

Воспоминание об Александре Матвеевиче Бухареве. (Архимандрит Феодор)

Ни на что мы так не скоры, так не легки, как на осуждение: чуть случится возможность, с. 1
малейший повод, даже с натяжкой, сказать что-нибудь порицательное, хоть бы, кажется,
об отце родном, — чуть увидим, прищуриваясь, какую-нибудь былинку, не то что сучец,
в чужом глазе, — мы, не замечая бревна в своём, уже рады провозгласить с кровель своё
открытие, и даже увеличить его в жару своей благонамеренности и любви к ближним,
но не к ближнему! Зато мы тяжелы на подъём, когда понадобится похвалить доброе дело
или отдать кому справедливость; мы как будто опасаемся тем унижить себя и умалить
пред другими своё достоинство. Вот один из главных пороков новой нашей так называемой с. 2
интеллигенции! Эти мысли возбудила во мне статья «Гражданина» словами пренебрежения
об архимандрите Феодоре (в мире Александр Матвеевич Бухарев).¹

Я слышал о нём много от Гоголя, с которым он был в близкой связи, и даже написал с. 3
о нём книгу.

Кстати, расскажу здесь анекдот. Когда автор, бакалавр академии, представил свою книгу
митрополиту Филарету, то митрополит выразил ему сильное неудовольствие за неприлич-
ный предмет занятий, и на все его доводы говорил: это глупо, или это гордо, — так что
Бухарев замолчал. Тогда митрополит сказал ему с сердцем: почему ты ничего не говоришь?
Потому, отвечал Бухарев, что я не хочу, сколько от меня зависит, говорить ни глупых,
ни гордых речей. Эти слова так подействовали на митрополита Филарета, что он вдруг
смягчился и сказал ласково: ну, вот ты уже и рассердился! тотчас переменял совершенно
тон и начал относиться уважительно. О. Феодор занемог вскоре после этой беседы и про-
лежал несколько недель в больнице. По выздоровлении, пред отъездом в Лавру, явился
опять к митрополиту, который принял его с особенною лаской и провёл с ним часа два
в отечески-откровенной беседе, отказывая прочим посетителям. Но это мимоходом.

После Гоголя о. Феодор пропал у меня совершенно из виду. Прошло сколько лет; я узнал с. 4
случайно, что он оставил монашество, наконец, что он женился. Это подало повод к раз-
ным невыгодным для него толкам, пропущенным мною мимо ушей, за неимением верных
сведений. Прошло ещё несколько лет; опять нечаянно услышал я, кажется, от М. А. Ма-
линовского, что бывший о. Феодор, Александр Матвеевич Бухарев, живёт в Переяславле
и едва ли не терпит нужды. Я написал письмо к нему, напоминая о Гоголе, и спросил его,
не могу ли быть на что полезным, и вместе просил дать мне знать, если то возможно, не на-

*Погодин, М. Воспоминание об Александре Матвеевиче Бухареве. (Архимандрит Феодор) / М. Погодин. — М.: 1874.

Дозволено цензурой. Москва, 9-го апреля 1874 года. В Университетской типографии (на Страстном бульваре).

¹См. № 12, 1872, с. 353, «Духовная Литература и Церковная Проповедь». Долгом считаю, однакож, оговорить-
ся: прежде нежели прочёл я всю статью, мне попалось на глаза место об о. Феодоре, которое меня огорчило:
я отыскал свой набросанный и неконченный почему-то некролог и написал предлагаемое воспоминание. После
прочёл я всю статью «Гражданина», и нашёл её прекрасною во всех отношениях, исполненною верных суждений
о некоторых церковных предметах и о новых наших проповедниках и духовных писателях: Филарете, Иннокен-
тии, Иоанне, Путятине, Ключарёве, Белюстине, Муравьёве, — одному только Феодору не посчастливилось! Ясно,
что односторонний взгляд на него автора обуславливается личным расположением или какими-нибудь частными
обстоятельствами, а не принадлежит к общему направлению. Я оставил, однакож, свой приступ, тем более что
в нынешних же нумерах газет нашлись ему крепкие подтверждения.

рушая скромности, о состоянии его духа и об его житейских обстоятельствах. С полной готовностью и искренностью тотчас он отвечал на этот вопрос следующее:

- с. 5   Надо начать почти *ab ovo*. Не знаю, говорил ли вам покойный Гоголь, что моя кафедра в Московской академии была и по исследованию Св. Писания. Проследя один раз оба Завета с особенно занимавшею меня задачей — раскрывать внутренне последовательный порядок, в каком шли ветхозаветные и новозаветные откровения, я награждён и утешен был и вообще обилием раскрывшегося передо мною света Божия, и особенно разъяснением последнего таинственного откровения — Апокалипсиса. Это последнее совершалось просто и как бы само собою: идя со строгою последовательностью, чрез это я доведён был до такой точки, с которой, с помощью истории, стало видно содержание Апокалипсиса в его значении. Но то самое, что так просто было для меня, обратилось в камень преткновения для опасавшихся унижить авторитет своего учительства вниманием к молодому учёному. Вот уж восемь лет тому как мой свышесдесятилетний труд по исследованию Апокалипсиса, труд обстоятельного и подробного обозрения зрелища, мне здесь открывшегося, запрещён и схоронен в могиле цензурного архива, хотя пред тем уже был одобрен духовною цензурой и даже начат печатанием. Имея за себя неподкупную историю, оправдывающую моё разъяснение Откровения, и правду православия, раскрываемую в моём труде вместе и откровением и историею, я не мог и не могу согласиться с усиливающимися скрыть этот свет под спудом. Так, не будучи в состоянии оставаться в добросовестных отношениях, по монашеству, к высшим даже аввам, я сложил с себя монашеский и священный сан, хотя до этого я был монахом не фальшивым, а по совести; по этому-то, впрочем, мне и не хотелось, как и не следовало, фальшивить оставаясь в монашестве, когда я внутренне всеми силами протестовал против тех кого должен был, по монашеству, слушаться. Эта катастрофа совершилась у меня так же просто как будто и не катастрофа. Я томился и мучился, как и доселе томлюсь и мучусь, только насильственной остановкой дела по слову Божию, сделанного в православной России. Я говорю вам искренно, как я понимаю своё дело по разъяснению Апокалипсиса. Но правильно ли, скажете, я понимаю это дело?..
- с. 6

В одной из бумаг, после доставленной мне вдовою, об этом событии я нашёл ещё следующие слова:

- с. 7   Болезненный и ничего у себя не имеющий, занятый делом Божией истины и церкви, пошёл я на семилетнюю епитимию, лишение прав, потерю прошедшей беспорочной службы, решился на позор расстрижения, чтобы не оставаться в противных совести отношениях беспрекословного повиновения духовному начальству.

Вообще, «жёсткое рабское направление» считал он вредным для святой церкви и России, как осуждённое в самом слове Божиим, особенно чрез апостола языков Павла.

У нас началась переписка. Когда задумалось в Москве издание «Беседы», я подал ему мысль, не может ли он принять участие, по предмету своих занятий, например, написать с точки зрения православной о Римском Соборе (тогда собиравшемся), о папском Силлабусе, о протесте отца Гиацинта, о стремлении некоторых Англичан к соединению, и тому подобном. В таком случае вызывался познакомить его с издателями.

- с. 8   В апреле 1871 года Александр Матвеевич приехал в Москву и посетил меня. Больной, после великой опасности, я лежал ещё в постели. Мы имели разговор, оставивший во мне глубокое впечатление. Я нашёл в нём человека проникнутого до такой степени истинами и духом христианства, какого я никогда не встречал и вообразить не мог. Это был — восторг, одушевление, умиление, горячее сердце, стремление к добру путём Христовым. Мне было сладко слушать его.

Вот такому человеку, подумал я, поручить бы, в наш век неверия и легкомысленного вольнодумства, прочесть по нескольку лекций, о чём ему заблагорассудится, в университетах, академиях, институтах. Нужды нет, что большинство пропустило бы их мимо ушей; нужды нет, что многие из остальных слушателей посмеялись бы над ними, но непременно во всякой аудитории нашлось бы человека по два, по три, по одному, которые приняли бы их к сердцу, ибо сердце сердцу весть подаёт, и сильное убеждение непременно сообщается магнетически людям избранным и для того приготовленным. Приобретение таким образом хотя немногих лиц из молодёжи во всех заведениях, которые пошли бы разумно по указанному

пути, ничем оценить нельзя. Люди убеждённые, особенно люди убеждённые в таинствах религии, в наше время редкость, и их надо ставить на высшие свещники, чтобы лучи их света распространялись как можно далее. Я в жизнь свою встретил ещё одного человека, также в высшей степени замечательного, отца Матвея, ржевского священника, друга Гоголева, с которым лет 15 тому назад познакомил меня Т. И. Филиппов. Александр Матвеевич поразил меня силою своего убеждения в истинах христианства, как я сказал выше, а отец Матвей силою своего убеждения о промысле Божиим и высшем участии в судьбе каждого человека, у которого волос с головы не может пропасть без воли Божией.

с. 9

Отец Матвей говорил о Боге так живо, так наглядно, как бы о близком, знакомом ему человеке, которого он видел вчера, получил от него такие-то указания, чувствует на себе такие-то действия ныне. Александр Матвеевич рассказал мне некоторые черты о нём, и отзывался о нём с великим уважением.

С «Беседою» А. М. не сошёлся. Вот что он писал ко мне:

...Мне хотелось бы, чтобы знамя Христово прямо и твёрдо поднято было как единственное верное руководство и прочное основание на всё среди всяческих нестроений и потрясений нынешних; нужда в этом, очевидно, самая настоятельная, вопиющая. Но другие требуют какой-то постепенности, боясь на первой поре текстов и самого имени православия. Подобное же разногласие и по другим более мирским вопросам, о чём не нахожу удобным говорить заочно и письменно. Вообще, Бог ведаёт, много ли дадут мне простора в этом журнале, и много ли я сам могу в нём разговаривать. Впрочем, могу уверить, что сам Кошелёв, как друг Киреевского, более других благоприятствует моим идеям и стремлениям, и лично я и всеми другими был очень дружелюбно принят и обласкан. Но всё же, как видите, сжатый мой дух мало распускается.

с. 10

В другом письме он писал:

Много вредят мне и моё глубокое недовольство тем, что и в нынешних обстоятельствах мира и России, русские люди не находят необходимым стать своею мыслию и словом с твердостью и безуклончивостью под начало православия, в чём наша слава и все надежды. Видите, опасаются испугать, или, лучше сказать, сами пугаются известной партии, презирующей веру вообще, а православную в особенности, а эта партия, по тому самому, гордо поднимает голову; сознавая в себе силу — только от нашего духовного бессилия или малодушия, действительно жалкого. Говорят, что надо наблюдать постепенность, действовать исподволь. Увы, из-за этой постепенности прошли бесследно для России и такие люди как Киреевский и Хомяков, которых, впрочем, теперь тоже уж опасаются упоминать! Нет, не мне тут работать, буду лучше беседовать в уединении с пророками, если Бог даст, и если ещё проживу сколько-нибудь. Итак, подумайте и посоветуйте, не лучше ли нам оставить уж виды на Москву. — У меня и у жены моей останется навсегда благодарная и приятная память о личной доброте и расположенности к нам всех, с кем мы познакомились в Москве в это время, когда были в ней по журнальному предприятию. Но самое дело всё-таки не состоялось как мне желалось, или как оно было бы подходящим ко мне. Так и быть! Слава Богу за всё, сказал умирая, отвергнутый современным обществом, даже сам Златоуст.

с. 11

Не считаю лишним предложить здесь для незнакомых с деятельностью А. М. Бухарева список его сочинений:

с. 12

- О православии и современности;
- Печаль и радость по слову Божию;
- О современных потребностях мысли и жизни особенно русской;
- Моя апология по поводу критических отзывов о сей книге;
- О упокоении усопших и о духовном здравии живых;
- Письма о благодати святых таинств православно-католической церкви;
- О подлинности апостольских посланий;
- Несколько статей о святом апостоле Павле;
- Святой Иов многострадальный;
- О подлинности и целости священных книг пророков: Исаии, Иеремии, Иезекииля и Даниила;

- Святой пророк Исаия;
- Святой пророк Иеремия;
- Святой пророк Иезекииль;
- Святой пророк Даниил;
- Исследование о достоинстве, целости и происхождении третьей книги Ездры.

с. 13   Большее его сочинение, «Иисус Христос в своём слове», заключающее в себе объяснение всех слов, сказанных Иисусом Христом в продолжение своей земной жизни, я вытребовал у него, намереваясь напечатать в своей типографии, но она, за смертью фактора-арендатора, осталась без действия, а других средств не нашлось, и это сочинение лежит у меня до сих пор, ожидая благонамеренного издателя. Я спрашивал мнения о сочинении о. архимандрита Михаила, его цензоровавшего, и он отозвался с похвалою, прибавив, что оно гораздо яснее и общедоступнее прочих сочинений покойного.

Любимейшее сочинение Бухарева, в котором заключалась, так сказать, его жизнь, составляла часть его самого, и задержание которого поразило его до глубины сердца и привело к могиле, есть толкование на Апокалипсис, в котором он видел торжество православной церкви.

с. 14   Толкования на Апокалипсис составляют огромную литературу на всех языках. Может быть, они все несостоятельны, и толкование Бухарева принадлежит к этому числу, но почему же бы, кажется, держать его под спудом, если в нём нет ничего еретического, предосудительного, вредного, тем более что автор человек учёный, духовный и нравственный, посвятил жизнь, как всем известно, изучению Священного Писания, и, по уверению знатоков, сказал много нового и своеобразного для его объяснения? Я дал слово Бухареву искать средств для перевода его сочинения и издания на английском языке.

Вообще о сочинениях Бухарева, по крайней мере о не учёных, не богословских, сколько они мне известны, я должен однакож сознаться, что они не произвели на меня особенного действия. Слог тяжёл, речь многословная, часто тёмная. Богословские мне неизвестны. Мне кажется, талант особенный А. М. Бухарева состоял в силе слова живого, а не письменного. Убеждение его выражалось более всего в речи изустной, и сообщалось слушателю магнетически. Этим объясняю неограниченную преданность и благодарность ему учеников его, из коих с несколькими я имел случай встречаться и разговаривать.

Последнюю осень Александр Матвеевич чувствовал себя очень дурно. Вот что он писал ко мне от 29 ноября 1870 года:

с. 15   Никогда мне не было так тяжело и мучительно от расстройства здоровья, как в настоящую осень, которую не знаю как и переживу. Кашель, одышка, ощущение недостатка воздуха, изнурительный пот, не дают мне покоя и ночью, так что я встаю с постели весь как изломанный и разбитый, а засыпаю нередко уже к утру. Бывают минуты такого страдания, что невольно думается, что не предсмертное ли оно.

Здоровье становилось хуже и хуже, он слабел более и более, но ясность ума и теплота сердца оставалась с ним до последней минуты. Он скончался в пятницу на Святой Неделе, 2 апреля 1872 года.

Я познакомился после и со вдовой Александра Матвеевича. Это была его ревностная ученица, слушательница, разделявшая все его убеждения, проникнутая его духом, благоговевшая к его памяти, смотревшая на него как на идеал. Она напоминала мне собою диаконисс из первых времён христианской церкви.

Я просил её, вскоре после кончины А. М., описать мне подробно последние дни его, и она исполнила мою просьбу. Предложу один отрывок...

с. 16   Мы вспоминали (среди бессонных его ночей, пред смертью) всю нашу прошедшую жизнь, и он говорил, что она была непрерывным чудом в продолжение восьми лет; мы не знали, чем мы жили, а жили совершенно безбедно, прилично, имели всегда порядочную квартиру, достаточную прислугу, выписывали книги, газеты, журнал. Правда, были два семейства преданных ему друзей, которые уделяли ему постоянно от своих доходов, но этого было недостаточно для

того, чтобы существовать, а не только жить как мы жили. Мы затруднялись, да и теперь я затрудняюсь отвечать на вопрос: чем вы жили? И потому мы редко с кем о том говорили. Раз, я помню, одному родственнику, хорошему и ещё молодому человеку, бывшему в очень тяжёлых нравственных затруднениях, Александр Матвеевич советовал возложить всю свою надежду на одного Спасителя, и от Него одного ждать избавления. Тот отвечал, что чудес не бывает. А. М., чтоб убедить его, рассказал ему про совершающееся с нами чудо, но услышал такой ответ, иронически произнесённый: не манной же с небес вы живёте! После такого отзыва он остерегался говорить об этом... Эти воспоминания (о проведённой жизни) во время последней смертельной болезни приводили его в восторг.

с. 17

Прибавлю: ещё при жизни Александр Матвеевич отвечал мне сам на этот вопрос в одном письме:

грех бы мне жаловаться... на безучастье!.. когда Сам Отец Небесный устроил так, что вот уже седьмой год мы живём и странствуем... но никогда не имели недостатка в необходимом, и в это время менее испытываем нужды чем прежде.

Записку о последних днях Александра Матвеевича, написанную вдовою собственно для меня, нельзя читать без умиления. Такие тонкие, благородные черты выступают на бледном, исхудалом лице покойного, в его угасающих взорах, в его тихой речи, что вы чувствуете к нему невольное влечение, слышите в своём сердце зарождение живой любви к нему за гробом.

Читая эту записку, я понял и оценил искренность слов, обращённых ко вдове по его кончине, от учеников покойного и мне сообщённых.

Один из них, священник, пишет:

М. Г. А. С. Христос воскрес — а начаток умершим бысть!.. Сию только минуту, из статьи в «Голосе», узнал о постигшем вас горе, и о нашей общей великой потере. Не смею сказать — о нашей горе, потому что не смею сравнивать вашу скорбь о разлучении с почившим, с нашим сожалением об этой потере, хотя и сильно щемит моё сердце... Надеюсь, что в вашей вере, дающей вам видеть невидимое, жить одною жизнью с духами, подаст вам Господь возможное утешение вашей скорби. Первою мыслью моею при этом печальном известии было — обратиться к вам с покорнейшею просьбой, во-первых, не дозволите ли вы вашим друзьям и друзьям покойного загладить хоть сколько-нибудь свою вину перед ним, вину беспечности и себялюбия, по которым мы так мало думали об его материальных нуждах, получив от него столько духовного богатства. Сознание своей виновности перед ним в этом отношении делает для нас ещё более тягостным воспоминание об его кончине. Вторую мою просьбой будет, не дозволите ли вы мне, если не имеете кого-либо другого, более меня способного и достаточного на это дело, — не дозволите ли вы мне принять на себя труд разбора и приготовления к изданию не оценённых в моих глазах рукописей А. Н. Предложить вам в этом деле моё участие прежде всего побуждает меня убеждение, что я, будучи, сколько я знаю, самоцельным и последовательным учеником Александра Матвеевича, — *хотя, увы,* только в области мысли, а не в области сердечной веры и деятельной любви, — мог бы быть наиболее благоговейным к его памяти редактором его сочинений.

с. 18

с. 19

Другой, также священник, пишет к своему знакомому:

Мы потеряли такого богослова, который старался показать христианское учение в новом свете по отношению к современности; мы потеряли человека убеждения, такого человека, каких редко видит свет или мир. Он за свои убеждения стоял до смерти и умер с ними. Что касается до меня, я могу сказать смело, что потерял в нём своего наставника и воспитателя в истинах православного богословия... Одного мы теперь должны желать, да примет его Господь в селения праведных, простив ему вся его согрешения, которые он сделал как человек.

Он же пишет ко вдове:

Да утешит вас Господь в вашей глубокой скорби. Одно нам утешение осталось: это молитва за усопшего. Связь нравственная и духовная не прервалась у нас с ним — это верность истине

и правде, и опять молитва веры и любви. Через Господа ему будет известна и утешительна — и наша добрая память о нём, и наше постоянство в истине, насаждённой им в нас, и наша любовь, не прерывающаяся смертью, и наша сердечная молитва о нём.

с. 20 Присоединимся ныне и мы, читатели, к этой молитве, и помянем труженика и мученика своих убеждений, разумеется небезгрешного, помянем с любовью, почти в самый день его кончины, и призовём на него Божию милость.

7 апреля 1872 г.
31 марта 1874 г.

М. Погодин